

Полмесяца спустя Гу Фучжоу привел подкрепление на северо-запад. Линь Цинъю снова был на другом краю света от него*. Его единственным утешением была возможность писать друг другу – привилегия, дарованная им императором.

[Примечание: 天涯. Мыс Тяньюй – Мыс Край небес. Так называют очень отдаленные места, если вы очень далеко друг от друг. Образно, на краю света, далеко. Информации об источнике появления сего мыса слишком мудрена...]

Каждый доклад императору, отправленный в столицу с северо-запада, будет содержать письмо от генерала Гу его жене, хотя на стол Линь Цинюя как можно скорее отправлялись оба письма.

И хотя доклад и личное письмо были написаны одним и тем же человеком, их стили разительно отличались. Доклад был кратким и по существу, четкие формулировки, информирующие только о военных делах. В это непростое время под руководством демонического командующего победоносная армия Западного Ся сметала все на своем пути. После захвата Юнляна они взяли еще несколько стратегически важных городов на северо-западе. Приведя подкрепление из столицы, Гу Фучжоу стабилизировал боевой дух армии и поднял их моральное состояние.

Под жестоким натиском армии Западного Ся армия Даюй установила последнюю линию обороны в городе Гуйчжоу. Здесь они собирались стоять насмерть. Как только город Гуйчжоу падет, ворота Даюй на северо-западе будут широко распахнуты. Если это произойдет, по мере продвижения войск Западного Ся сможет свободно занять равнины Цзяннаня или же сразу напрямую атаковать столицу.

В конце концов, Гу Фучжоу был тем человеком, который взобрался на городские ворота и руководил обороной, укрывшись одеялом, у него был большой опыт в обороне подобных мест. Северо-западная армия и подкрепление работали вместе, как единое целое, и смогли остановить победоносное наступление армии Западного Ся, временно заблокировав их у города Гуйчжоу.

Так было написано в докладе императору. Был указан только конечный результат, весь процесс и детали были опущены. Однако, просто взглянув на количество жертв, можно было легко предположить, как тяжело дался такой подвиг их армии. С другой стороны, письмо Гу Фучжоу домой было написано по-иному:

...

Цинъюй, ты мне не поверишь, но после приезда на северо-запад я не сомкнул глаз. Теперь ты видишь мою решимость одержать победу?

После вечернего совещания с генералами я вышел из палатки и увидел звезды над головой. Звезды на северо-западе очень яркие. Мне вдруг захотелось, чтобы ты оказался рядом со мной.

Этот демонический командующий такой крутой. Не думаю, что являюсь для него серьезным противником. Но У Ююань вполне ему под стать. Он может часами без остановки говорить о военной тактике. Сначала я внимательно слушал все подряд, а потом у меня начали клочьями выпадать волосы.

Цинюй, если считать с последним разом, когда я был на северо-западе, то я выиграл шесть сражений подряд. У меня есть предчувствие, что это скоро произойдет... скоро будет мое первое поражение. Помоги!

...

По какой-то причине, видя, как Гу Фучжоу жалуется на превосходные военные навыки демонического командующего Западного Ся, плача о том, что он ему не ровня, Линь Цинюй не чувствовал особого беспокойства. Такое поведение было свойственно игривой натуре Гу Фучжоу. Хотя он не написал ничего хорошего, это каким-то образом заставляло довериться ему. Этот человек всегда был таким - делал все возможное, несмотря на свое нежелание и лень.

Душевное спокойствие, которое дарил ему Гу Фучжоу, было не передавать словами. На этот раз... вероятно, все будет так же.

Нет, точно будет.

Линь Цинюй встретил Новый год очень просто. Юань Инь, как и в предыдущие годы, повесил в резиденции генерала красные шелковые фонарики и наклеил на оконные решетки бумажные узоры. Также он приказал кухне приготовить роскошный новогодний ужин. Но Линь Цинюй это не волновало, съев всего пару кусочков, он вернулся отдохнуть в комнату.

В комнате стояла большая кровать, которую Гу Фучжоу лично тщательно выбрал. Чтобы не вставать ночью, генерал специально попросил плотника сделать деревянный стол, стоявший возле кровати. Каждый вечер на стол ставился заранее приготовленный чай, чтобы, если он, мучимый жаждой, проснется среди ночи, то мог сделать глоток чая, просто наклонившись в сторону.

Линь Цинюй лежал у стены. У него слегка озябли ноги и руки. Каким бы толстым ни было одеяло, его тело никогда не могло согреться.

После четвертой стражи (время от 1 до 3 часов ночи) Линь Цинюй отказался от попыток заснуть. Он встал с кровати, накинул на плечи накидку из лисьего меха, взял зажженную свечу и подошел к столу. Молодой человек взял кисть и написал то, что было у него сейчас на сердце:

На рыжих черепицах теперь заметен лед,

все тяжелее иней, уже зима идет.

Не греет одеяла нефритовая нить -

оно бы и согрело, да не с кем разделить.*

[Примечание: Строки из поэмы «Вечная печаль» Бай Цзюйи о любовной трагедии между императором Сюаньцзуном и Ян Гуйфэй, известной как одна из четырёх красавиц древнего Китая. Полный текст в 25 главе.]

Первое желание, тысячу лет ланцзюню*.

Второе желание, неизменного здоровья цишэнь**.

Третье желание, подобно ласточкам, сидящим на балках крыши,

пусть мы будем видеть друг друга год за годом.

[Примечание: *[] Ланцзюнь - архаичная форма мужа и хозяина. ** [] цишэнь - форма обращения, используемая женой при обращении к себе. Это стихотворение взято из «Весеннего банкета», стихотворения, написанного Фэн Яньбэем, поэтом из Южной династии Тан.]

Первое желание - метафора воссоединения мужа и жены, которое будет длиться вечно. Второе и третье желание - я надеюсь, что смогу быть в добром здравии и быть с вами навсегда.]

В конце концов, это всего лишь пожелание благополучия.

После написания Линь Цинъю погрузился в свои мысли. Он поднял глаза и посмотрел на северо-запад.

Свеча успела догореть, когда он, сидя в одиночестве, приветствовал рассвет нового дня.

На третий день Нового года люди начали посещать резиденцию генерала, чтобы поздравить его домочадцев с Новым годом. В отличие от прошлого года, помимо многочисленных военных, сюда пришли также много гражданских чиновников. После того как новый император вззошел на трон, все богатые и знатные семьи столицы знали, что на супругу генерала Гу тоже нельзя смотреть свысока. Говорили, что он имеет всего лишь должность медицинского чиновника пятого класса. Он звался императорским лекарем Линем. Но если заменить слово «императорский лекарь» на слово «тайфу», то это обращение будет лучше соответствовать истинному положению вещей.

[Примечание: Императорский лекарь - 太醫/tàiyī. Тайфу - 太僕/Tàifù. Здесь говорилось о замене одного иероглифа в слове, и получится Наставник двора, помогающий императору не допустить ошибки; или императорский наставник, обучающий несовершеннолетнего императора. Очень высокая должность при дворе.]

Большинство просьб о посещении были отклонены Линь Цинюем, но некоторых людей все равно нужно было принять. К таким относился У Чжань, правая рука Гу Фучжоу в армии.

Грубые замечания, которые он сделал в отношении генерала Гу, все еще не давали покоя У Чжаню. Во время этого новогоднего визита он намеревался принести официальные извинения. Поэтому подарки, которые он принес с собой, заняли половину двора резиденции генерала. «Я надеюсь, что госпожа не отвергнет добрые пожелания братьев генерала».

«Конечно, нет. - Линь Цинъю отвечал вежливо, - генерал У, присаживайтесь. Хуа Лу, подай чай».

У Чжань пил чай в резиденции генерала, все еще неловко ерзая на месте. Он и Гу Фучжоу оба были военными. Они не привыкли ограничивать себя лишними формальностями. Если они хотели извиниться, то делали это прямо, и без уверток признавали свою ошибку. Но теперь, когда он сидел перед супругой генерала, а Линь Цинъю спокойно и невозмутимо смотрел на него, ему стало слишком неловко говорить слова своего извинения.

Линь Цинъю заметил спокойно: «Кажется, генерал У хочет что-то сказать».

У Чжань отбросил формальности, наконец заговорив о том, что его мучало: «Ладно. Прежде чем главнокомандующий отправился на войну, я сгоряча сказал много лишнего, накинувшись на него сгоряча. Позже я узнал, что неправильно понял генерала. Я чувствую себя таким виноватым...»

Линь Цинъю спросил: «Вы рассказали об этом самому генералу?»

«Да, генерал великодушно согласился не опускаться до моего уровня».

Линь Цинъюй кивнул, принимая ответ: «Поскольку это так, тогда я сделаю то же самое».

У Чжань вздохнул с облегчением и, став уже спокойнее, заверил с улыбкой на лице: «Не волнуйтесь, госпожа. В следующий раз я постараюсь держать свой вспыльчивый характер в узде. Если я когда-нибудь снова буду грубо говорить о генерале, я обещаю три месяца убирать в конюшне навоз и кормить лошадей».

Линь Цинъюй задал новый вопрос: «Генерал У только что сказал, что вы отругали генерала „сгоряча“. Могу ли я узнать, что вызвало эту вашу „горячность,,?»

У Чжань чувствовал себя виноватым, поэтому поспешно объявил: «По правде говоря, это может быть не так уж и „сгоряча“. Сначала я разозлился, увидев, что генерал остается незаинтересованным в том, чтобы возглавить поход, несмотря на тяжелую ситуацию на северо-западе. С тем, что с этим может справиться только генерал, считал не только я. У Гогун тоже думал об этом. Однако мы также понимали, что, возможно, у генерала были на то свои причины, чтобы так поступать. Итак, мы просто поговорили об этом наедине. Мы не ожидали, что нас подслушает премьер-министр Цуй».

Премьер-министр Цуй, Цуй Лянь. Сейчас ему за пятьдесят, он был правой рукой покойного императора. Когда Сяо Чэн был наследным принцем, управляющим страной, то тоже очень доверял этому министру. Можно сказать, что он пользовался высоким авторитетом при дворе. У Линь Цинъюя не было никакого намерения выступать против этого человека.

Линь Цинъюй спросил: «Что такого сказал премьер-министр Цуй, что вас так разозлило?»

«Премьер-министр Цуй сказал, что мы не понимаем генерала. Генерал больше десяти лет сражался за Даюй, и теперь, когда он женат на великом красавце, вполне простительно, что он предается любви в царстве нежности и ласки*. Он сказал, что военный советник Западного Ся был хитер и коварен, а генерал – всего лишь смертный. Как он может сравниться с „демоном“? Страх за свою жизнь – это вполне нормально. Он сказал нам не быть с ним слишком суровыми».

[Примечание: 温柔 / wēnróuxiāng. 1) царство нежности и ласки, уютное гнездышко; 2) перен. нежные объятия женщины.]

Линь Цинъюй обнаружил неувязку в словах генерала, поэтому задал новый вопрос: «Значит, премьер-министр Цуй говорил от имени генерала?»

«Да-да. – Вспоминая об этом сейчас, У Чжань тоже почувствовал что-то неладное. – Премьер-министр Цуй также сказал, что легкость и комфорт, которыми генерал наслаждался в столице, он заслужил за долгие годы сражений. Каждое слово было на благо генерала, но, слушая его, мы только рассердились. Затем я не сдержался и бросился в военный лагерь... Эх, я такой

глупый!»

Линь Цинюй задумался: интересно, премьер-министр Цуй предпринял этот шаг самостоятельно или ему приказал кто-то другой? Он всегда думал, что этот старый министр был вполне безобидным и довольным своим положением. Но теперь кажется... Линь Цинюй снова почувствовал желание сделать что-то плохое в одиночку.

«Госпожа, почему генерал сразу не выступил вперед, чтобы пойти на северо-запад? – У Чжань не мог не спросить: – Это действительно потому, что он не хотел расставаться со своей славой и богатством в столице? Я никак не могу в это поверить!»

Линь Цинюй взглянул на У Чжаня, ответив: «Потому что он чувствовал, что это его ответственность не только перед трехсоттысячным войском армии Чжэнси, но и перед всем народом Даюй... Поэтому он не выходил на поле боя и меньше вмешивался в дела северо-запада».

Ошеломленный ответом У Чжань воскликнул: «Почему он так думает? Генерал – бог войны нашего Даюй. Солдаты доверяют ему всем сердцем!»

«И вот, в конце концов, он ушел. Ради вашего доверия. – заметил холодно Линь Цинюй, тут же добавив: – Даже если бы вы не давили на него, он все равно ушел бы».

В конце концов, Цзян-гунцзы отличался от него. В глубине души он все еще оставался добрым и ласковым юношей.

Проводив У Чжаня, Линь Цинюй приказал Хуа Лу приготовить щедрый подарок и попросил Юань Иня подготовить повозку. Поскольку премьер-министр Цуй так великодушно выступил в защиту его мужа, будет только правильным, если он пойдет и выразит ему свою благодарность.

Как только резиденция премьер-министра получила уведомление от императорского лекаря пятого класса, все в резиденции заволновались, будто столкнулись с грозным врагом. Цуй Лянь словно получил указ от вдовствующей императрицы. Он лично вышел приветствовать Линь Цинюя в главном зале, где развлекали гостей, а поданный чай был высшего качества. Его обращение не было ни теплым, ни холодным, это был просто вежливым обращением.

«Я действительно не ожидал, что императорский лекарь Линь посетит мою скромную резиденцию, чтобы поздравить с Новым годом, – заметил Цуй Лянь. – Я не знал, что этот министр привлек внимание императорского лекаря Линь».

Линь Цинюй ответил: «По правде говоря, премьер-министр Цуй, изначально я не планировал посещать вас. Но недавно я услышал, что премьер-министр Цуй говорил в защиту генерала, до того, как он отправился в военный поход. И поэтому я пришел выразить свою благодарность».

Выражение лица Цуй Ляня не изменилось, но рука, держащая чашку с чаем, на мгновение замерла: «Генерал много работал и оказал неоценимую услугу нашей стране. Он уже получил серьезные раны из-за Даюй. Этот министр не мог вынести, что генерала снова заставляют выйти на поле боя».

Линь Цинюй неторопливо продолжил: «Но я отчетливо помню, что премьер-министр Цуй ранее выразил в своем докладе императору, что для командования северо-западом нет лучшего кандидата, чем генерал. Что могло заставить премьер-министра Цуй так резко изменить свое мнение?»

Цуй Лянь на мгновение потерял дар речи. Однако он очень быстро оправился и спокойно переспросил: «Доклад его величеству? Этот министр не отправлял императору ничего относительно командования северо-западом. Может императорский лекарь Линь что-то неправильно запомнил?»

«Итак, я понимаю, – Линь Цинюй приподнял с легкой улыбке уголки губ. – Что возможно это я неправильно что-то запомнил».

Такая красота должна радовать сердце и глаз, но Цуй Лянь невольно насторожился. Он действительно отправлял подобный доклад, но его видел только император. Может Линь Цинюй действительно что-то знает, раз говорит об этом? Или его заманивают в ловушку?

Не давая Цуй Ляню слишком много времени на раздумья, Линь Цинюй встал и попрощался. Перед уходом Линь Цинюй заметил: «Премьер-министр Цуй, вы старший министр двух династий, столп страны. Я призываю премьер-министра трижды подумать, прежде чем что-либо делать. Пожалуйста, не делайте глупостей».

После ухода Линь Цинюя Цуй Лянь не мог найти себе места. Он думал об этом снова и снова. И, в конце концов, все же решил отправиться во дворец, хотя уже наступил час отдыха. Император уже лег спать, и его встретил евнух Си. При первой встрече с его величеством наедине, император сказал ему: «Намерения Си Жуна – это намерения чжэня. Дорогой министр должен относиться к нему так, как если бы относился к чжэню».

Цуй Лянь подробно рассказал Си Жуну о том, что произошло сегодня: «Евнух Си, мой доклад императору, рекомендуящий генерала Гу в качестве командующего...»

«Не волнуйтесь, господин премьер-министр, он был сожжен после того, как император прочитал его. Императорский лекарь Линь не мог видеть этот доклад».

В сердце Цуй Ляня все еще оставались следы страха: «Тогда он действительно пытался заставить меня ошибиться. Так коварно и хитро. От него действительно трудно защититься!»

Уголки губ Си Жуна приподнялись, когда он заметил: «Но когда господин премьер-министр пришел навестить императора так поздно ночью, разве вы не дали понять императорскому

лекарю Линю, что скрываете вину в своем сердце?»

Цуй Лянь внезапно осознал свою ошибку, тут же разозлившись: «Я не подумал об этом!»

«Господин премьер-министр не должен винить себя, – ответил Си Жун, сочувствуя. – Императорский лекарь Линь уже ясно видел это раньше. Этот визит господина премьер-министра просто дал ему ответ. Но даже не имея этих доказательств, он уже подтвердил наше положение дел».

«Вы хотите сказать, что он обо всем знает?»

Си Жун сузил глаза. «Сегодня он пришел призвать вас к ответу. В будущем настанет моя очередь».

Тут подошел маленький евнух, обратившись к Си Жуну: «Евнух Си, император проснулся и ищет вас».

«Я побеспокоил господина премьер-министра этим вопросом. Пожалуйста, предоставьте остальное мне», – сказав эти слова, Си Жун поспешно направился к дворцу императора.

В день Праздника фонарей Линь Цинюй снова получил письмо от Гу Фучжоу.

...

Семь побед подряд, детка. У Ююань внес большой вклад. Как и ожидалось от человека, который сокрушит Западное Ся. Тем не менее он становится слишком легкомысленным, считая, что может победить всех сам. Но это не большая проблема, я положу конец его безрассудству...

Поздравляю с первой годовщиной отношений.

...

Когда Гу Фучжоу написал последнее письмо во время китайского Нового года, оно случайно попало в руки Линь Цинюй в день, когда они признались друг другу в чувствах.

Губы Линь Цинюй тронула легкая улыбка. Он убрал письмо, положив его вместе с кольцом, которое ему подарил Гу Фучжоу.

Во второй половине дня в резиденцию пришел слуга из дворца Цыань, чтобы передать сообщение. Вдовствующая императрица пригласила Линь Цинюй во дворец, чтобы принять

участие в праздновании Праздника фонарей. После захода солнца они должны подняться на башню, чтобы полюбоваться огнями.

Автору есть что сказать:

Мини-театр:

Старшеклассник Цзян отправился за покупками с красивой женушкой, которую доставили к его двери.

В метро великолепный красавец, который только что научился пользоваться телефоном, общался в Вичате с незнакомкой, которая ему помогла ранее.

Незнакомка: Что? Он даже заставляет тебя ездить на метро! Черт возьми, я не могу этого вынести! Неужели он не мог взять такси! Как он посмел заставить такого красавчика сесть в метро! Черт бы побрал этого привлекательного, но бесполезного старшеклассника!

Увидев это, ученик Цзян немного подумал и сказал красивой женушке: «Эм... может быть, тебе стоит получить водительские права?»

<http://bllate.org/book/15122/1336709>